

Йоко мурэ

ДНИ ХЛЕБА,
СУПА
И КОТОВ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

パンとスープとネコ日和
PAN TO SUPU TO NEKO BIYORI
Yoko Mure

Copyright © 2012 by Yoko Mure
All rights reserved.

Original Japanese edition published
by Kadokawa Haruki Corporation, Tokyo.
Russian language translation rights arranged
with Kadokawa Haruki Corporation through
The English Agency (Japan) Ltd. and New River Literary Ltd.

Перевод с японского *Натальи Румак*
Литературный редактор *Анастасия Губань*

Мурэ, Йоко.

М91 Дни хлеба, супа и котов / Йоко Мурэ. — Москва : Эксмо,
2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-220927-7

После смерти матери Акико оставляет работу в издательстве и заново открывает старую закусочную, переделывая ее в кафе.

Бывшие завсегдатаи не понимают задумку Акико — в ее кафе минималистичный интерьер, нет телевизора, а главные блюда в новом меню — суп и хлеб. Как же громкие посиделки? Как можно есть еду без острых специй? Но для Акико все это — умение видеть и чувствовать по-настоящему, обращать внимание на суть. Несмотря на тревоги и осуждение, она смиренно делает свою работу, наслаждаясь тихими разговорами с единственной помощницей на кухне и вечерами с любимым котом Таро.

Такова ее простая жизнь, наполненная грустью и радостью.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Румак Н., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-220927-7

1

Закончив уборку в кафе, Акико выдохнула и поднялась на третий этаж. Раздалось мяуканье ее полосатого кота Таро — он услышал ее шаги. В этом мяуканье одновременно звучало раздражение — ну скорей, скорей! — и нежность избалованного котика.

— Иду, иду!

Она прошла через одну комнату в другую, поменьше, — спальню, где стояла кровать. Таро поспешно спрыгнул с кровати и, громко мурлыча, потерся о ноги хозяйки, пристально глядя на нее. Затем раздалось протяжное: «Мя-ау, мя-ау!»

— Конечно, конечно, на ручки!

Акико села на кровать и, словно младенца, подхватила кота на руки. Таро закрыл глаза с выражени-

ем такого блаженства, будто не было для него большего счастья на свете. Затем, несколько раз проведя лапкой по ее лицу, фыркнул, на мгновение замер, но тут же спрыгнул на пол, подошел к миске с кошачьим кормом и снова замяукал.

У них было заведено, что каждый вечер, перед сном, Таро ел свежие кошачьи консервы. Акико вытаскивала из запасов самую дорогую банку и открывала ее так, чтобы кот видел. Животные, видимо, прекрасно различают цену корма — Таро абсолютно по-разному ел дешевые и дорогие консервы. Пока он со страшной скоростью поедал свою порцию, Акико поменяла ему воду и почистила лоток. В рабочие часы заведения она запирала Таро в комнатах, чтобы он не спускался вниз, — жалко его, но ничего не поделаешь, у нее предприятие общественного питания. Сначала он следовал за хозяйкой и царапал когтями дверь, но потом, видимо, понял, что ничего не изменить, и научился ждать ее спокойно.

Сразу после открытия кафе под названием «я» Акико обнаружила Таро, свернувшегося в клубочек в щели у дома. За день до этого шел дождь, котик весь перемазался в грязи и уже не имел сил даже

мяукать — она вспомнила, как перепугалась, не умрет ли он. Сначала она надеялась, что его кто-нибудь возьмет к себе, спросила хозяйку цветочного магазина на той же улице, но та сказала:

— Это наверняка «манэки-нэко» — кот, привлекающий клиентов!

Впрочем, он был такой хорошенький, что Акико и сама уже не хотела его никому отдавать, так что можно сказать, что слова соседки ее только убедили. И теперь задумчиво сидеть, держа на руках толстого Таро, почти полностью зажмурившего глаза, было для нее наивысшим блаженством.

У пятидесятитрехлетней Акико не было никого, кроме кота, которому исполнилось три года. Единственная родственница, мать, скончалась шесть лет назад в возрасте шестидесяти семи лет — не страдала от долгих болезней, просто упала и умерла. Она с молодых лет была любительницей выпить и курила — так что, наверное, это было вполне ожидаемо. Отца своего Акико не знала. Сейчас детей, рожденных от внебрачной связи, так и называли — внебрачными, а раньше говорили: «незаконнорожденный». Это было и про Акико. В манге для девочек,

которую она в детстве обожала и постоянно читала, похожие на нее героини-сироты сталкивались со всякими издевательствами и были обречены пережить множество злоключений. Однако в конце концов появлялись богатый отец и красавица-мать, и наступало счастье. Читая эти истории, Акико надеялась, что однажды и ее отец появится точно так же, но этот день так и не приходил, и, кроме реальной матери, хозяйничавшей в столовой (абсолютной ее противоположности — маленькой, темненькой, любительницы мужчин), других родителей у нее не было.

Сколько Акико себя помнила, она жила в этом доме, где на первом этаже было заведение, а на втором и третьем — жилые комнаты. Отсюда же она ходила в начальную школу. Мать управляла столовой, которую назвала своим именем — «Закусочная Каё». Эта закусочная была расположена на торговой улице, где в ряд располагались крохотные заведения, и в детстве мать говорила ей:

— Я хочу знать, когда ты приходишь, так что заходи не через черный ход, а через главный, которым пользуются посетители.

Когда она возвращалась домой с ранцем на спине, в закусочной был перерыв, однако, несмотря на это, там сидели дяденьки-завсегдатаи, курили и болтали с ее матерью.

— Аки, привет! — окликали ее и мать, и посетители.

— Мама, я дома. Здравствуйте, — кланялась она и бежала на третий этаж.

Она ненавидела, когда мать курила. И вечером, после закрытия кафе, выпившие завсегдатаи не уходили: они закрывали дверь, убирали внутрь норэн¹ у входа и продолжали попойку. Вид развеселившейся от выпивки матери, не выпускавшей из левой руки сигарету, она тоже терпеть не могла.

Мать то притаскивала, уловив момент, для Акико еду из закусочной, то заставляла ее есть в самом кафе. Когда маленькая Акико ужинала в уголке кухни, подвыпившие посетители заговаривали с ней о том о сем. Что учила в школе, какие были мероприятия, кем хочешь стать в будущем. Если Акико не

¹ Норэн — традиционный японский занавес, который вешают при входе в магазин или ресторан, часто с названием или эмблемой заведения.

понимала, что имел в виду собеседник, она вопросительно смотрела на него, если могла ответить — вежливо отвечала.

— Какая умничка! Вот бы посмотреть на нее в будущем! — хвалили ее, и мать очень радовалась.

— Вот увидите, куда это яблочко от яблоньки покатится! — говорила она с улыбкой.

Классе в третьем или четвертом Акико страшно надоело все, что было связано с закуской, и она упросила мать отправить ее на курсы «соробан», где упражнялись на традиционных японских счетах, и на каллиграфию — не сказать, что ей это особенно нравилось. Чтобы оттянуть возвращение домой, можно было проводить время в библиотеке или наблюдать за курочками и кроликами, которых держали при школе, но ей все-таки хотелось общаться с ровесниками. Некоторым девочкам в классе родители запрещали играть с ней, так что она не могла просто так пойти к кому-то в гости. Мать, не говоря ни слова, оплатила курсы. Благодаря занятиям счетами и каллиграфией теперь можно было поздно возвращаться, и курсы, которые должны были стать для нее просто убежищем, внезапно

пригодились, когда она стала взрослой, — это было приятно.

Мать рассказала ей об отце, когда Акико уже перешла в среднюю школу. В этой школе ученики были дисциплинированными, и баллы у всех были выше среднего. Отсюда можно было без экзаменов перейти в старшие классы, так что больше всех поступлению радовалась мать. Во время экзаменов устраивали собеседование и с родителями, и она, видимо, волновалась: ведь у них семья не из тех, что называют «обычными», сможет ли дочь попасть в эту школу? Мать сказала:

— Мы им всем показали!

Но Акико не понимала, кому и что она показала. Матери удалось избавиться от чувства вины, но одновременно с этим она, видимо, решила, что должна рассказать дочери всю правду, и сразу после церемонии поступления заявила:

— Твой отец — буддийский монах!

Услышав это, Акико была потрясена. Она задумалась, почему же родители не поженились, но мать спокойно добавила:

— У него уже была жена.

Акико рано научилась читать и с детства читала взрослые произведения, а иногда заглядывала и в мамины женские журналы, так что понимала, что это значило. Удивилась она и тому, что мать, оказывается, была младше него на тридцать лет. Ей тогда было тридцать три, значит, отцу — шестьдесят три. Вот это дедуля! Узнав, что ее отец — дедушка-монах, Акико упала духом. Она отождествляла себя с героинями манги и отца, которого никогда не видела, представляла себе совсем иначе. В манге отцы появлялись эффектно — с длинными волосами, в элегантных костюмах, а ее настоящий отец — лысый дед?! У нее просто сердце упало. Она потупилась, а мать, видимо поняв это по-своему, сказала, словно утешая:

— Он был отличным человеком! Я вообще-то его уважала.

Да разве дело в этом?

Акико продолжала молчать, глядя в пол.

— Очень хороший, великодушный человек — вот только по части женского пола слаб почему-то. Тебя, правда, не признал, но зато денег давал более

чем достаточно. Благодаря ему у нас и дом, и эта закусочная.

Сколько мать ни убеждала ее, Акико лучше не становилось, она безучастно слушала мамины воспоминания о том, как она никогда, даже в детстве, не спрашивала, почему у нее нет папы.

— Это было так трогательно! — плакала она.

Акико такого не помнила, поэтому слушала молча. Мать говорила со слезами в голосе:

— А ведь он тоже, хоть и не назвал себя отцом открыто, наверняка хотел бы с тобой встретиться.

Акико заметила, что она говорила в прошедшем времени.

— А отец жив?

— Два года назад мне сказали, что он умер от сердечного приступа. Я тоже не знала.

Она покачала головой и вытерла слезы.

— То есть его все равно нет?

Акико почувствовала почти что облегчение.

Рассказ матери, сопровождавшийся слезами, продолжался и продолжался. Хозяин столовой, где мать работала, был прихожанином храма, где служил

отец, так они и познакомились. Акико, слушая это, подумала: «Но так ведь нельзя».

Так и оказалось в реальности. Узнав, что будет ребенок, мать не смогла никому признаться, как все было на самом деле, оставила работу, соврав, что уезжает домой. А отец, который не мог на ней жениться, пообещал:

— Всю жизнь буду о вас заботиться, только ты меня прости.

Он купил матери маленький домик подальше от храма и ушел.

Положившись на мужчину, которого любила, мать с помощью его родственницы, которой он доверял, родила и до тех пор, пока Акико не исполнилось три года, жила в том доме, а потом продала его, добавила к этой сумме деньги от отца и построила здесь, на пустыре, дом с закускойной.

— Представляешь, — в голосе матери, которая все это время говорила, подпуская слезу, вдруг зазвучал интерес местной сплетницы, — я потом узнала, что эта родственница, которая так обо мне заботилась, на самом деле была папиной женщиной, — ох, я и удивилась! К тому же, когда я тебя родила, у него

уже была другая! В общем, от этой болезни ему было не излечиться.

Однако дети у него были только от официальной жены и от матери Акико, причем в своей семье — двое сыновей, так что к Акико он наверняка питал особые чувства. Мать кивала сама себе, продолжая рассказ. В жизни матери, видимо, было много бурь, но Акико воспринимала их безучастно, как будто к ней они не имели отношения. У матери была лишь одна фотография с отцом, и она жалеяла, что при переезде случайно выбросила ее вместе с мусором.

Для Акико было естественным жить вдвоем с матерью, хотя они и отличались от большинства других семей. Пусть над ней смеялись или жалели, она с рождения жила так, поэтому пропускала все мимо ушей — других вариантов ведь не было. Хорошо, что теперь она узнала о своих корнях, но вслух об этом говорить было нельзя, так что ей иногда казалось, что лучше ей было этого и не знать.

Подруги в средней и старшей школе, в отличие от тех, что были у нее в младших классах, не стали расспрашивать, когда увидели в списках родителей имя